

МОНГОЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

С. ЗИНИН

ПЕРВЫМ впечатлением от Монголии был свет.

Окружающие аэродром холмы, здание аэропорта, строения на дальнем горизонте — все было пронизано, насыщено удивительно мягким солнечным светом. Казалось, предметы сами его излучают (потом я узнал, что это зависит от необычайной прозрачности воздуха в Монголии; в свою очередь прозрачность — следствие редкой «сухости» атмосферы).

Нас встречал журналист по имени Лувсандорж, ему 48 лет, из них 25 он работает в журналистике. Лувсандорж ростом не очень высок и ревниво относится к тому, что сейчас молодое поколение росло, стройное. Преимущество в росте Лувсандорж явно теряет, но в силе и выносливости с ним трудно тягаться. Те два десятка дней, которые мы пробыли вместе, Лувсандорж раньше всех вставал, позже всех ложился, организовывал встречи, переводил, вел отчетность, следил за питанием, бытом.

Что касается связей Лувсандоржа, то они феноменальны. Иногда казалось, что он лично знаком со всей Монголией. Даже такой суровый человек, как таможенник в уланбаторском аэропорту, оказался его другом. Когда-то они вместе работали в армейской газете. А таможенник, между прочим, оказался первым переводчиком на монгольский язык рассказов Мопсана и «Матери» Горького. Другой пример. Это случилось в пустыне Гоби, в Далан-Дзадагаде, здесь я еще раз убедился в феноменальных знакомствах Лувсандоржа. Я уходил в кино, а когда вернулся в гостиницу,

обнаружил, что в нашем номере Лувсандорж сидит за шахматной доской напротив первого секретаря Южно-Гобийского аймака. Оказалось, что когда-то они вместе учились.

...Мы вырвались из аэропорта и устремились по ухоженному шоссе мимо выцветших, бурых от жухлой осенней травы увалов. Вся монгольская экзотика была перед нами: юрта, верблюд, пасущиеся кони, цветные халаты, разноцветные пояса, всадницы и всадники в высоких седлах.

Но впереди уже виднелся город. Вытянувшийся вдоль реки, Улан-Батор с трудом поддается описанию. Он практически только складывается. Он и вообще-то не сравним по возрасту со знаменитыми городами мира. Бывшая Урга возникла лишь в 1639 году как ставка одного из монгольских светских и религиозных владык — гэгэна. Ламаистский монастырь, вокруг которого начал формироваться город, кочевал. С 1719 по 1779 год таких перекочевок было семнадцать. Город — в современном смысле — очень молод.

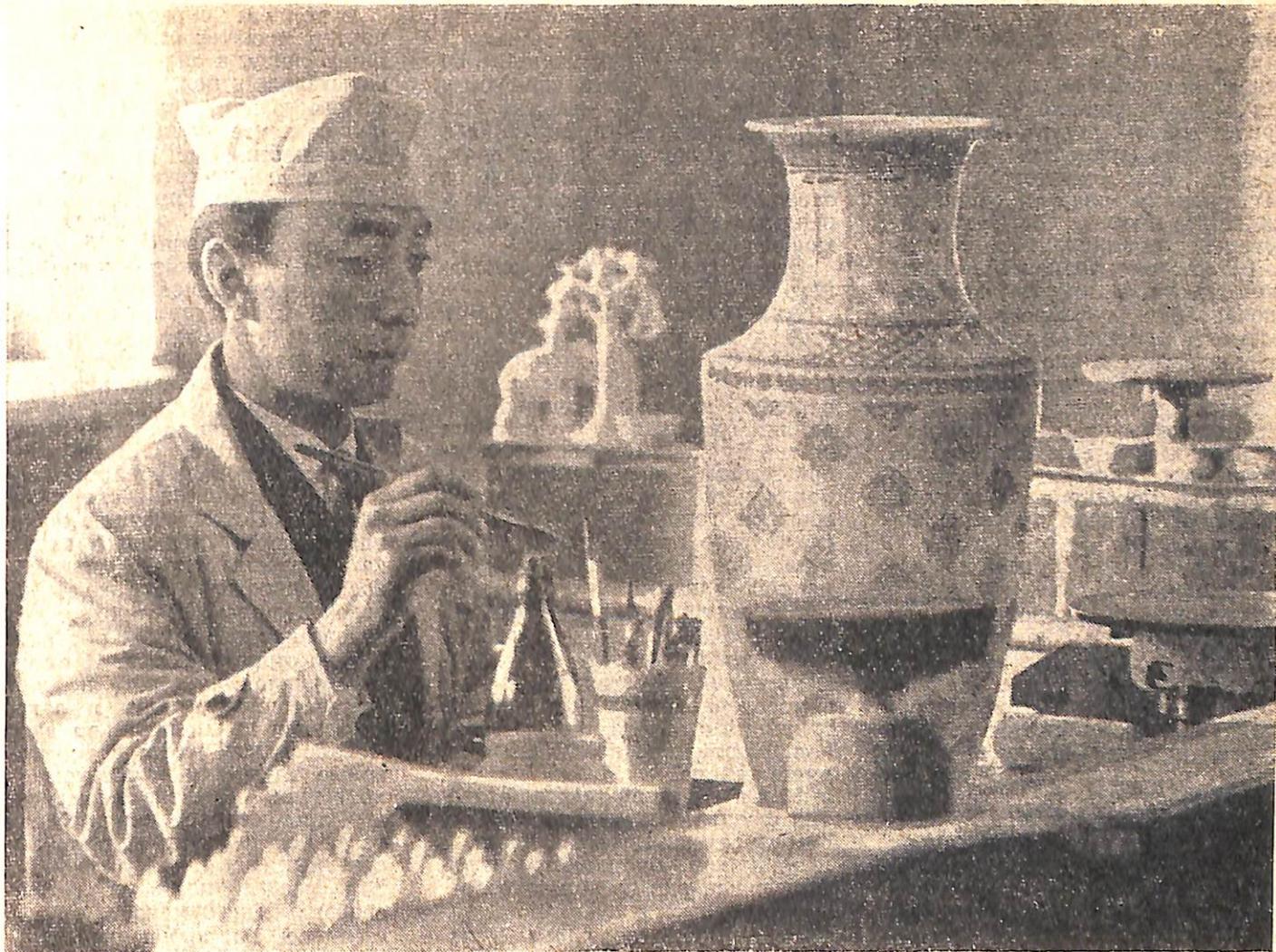
На следующий день Лувсандорж повез нас на вершину холма, на склоне которого размещался один из старейших в Монголии монастырей. Храм Гандан — одна из святынь ламаизма и одно из первых в Урге зданий.

С вершины холма отчетливо читается топография Улан-Батора. Центр — бесконечная главная улица вдоль живописной Толы. Слева квартал современных 12-этажных домов. Справа — дымящиеся трубы ТЭЦ и комплекс промкомбината — мебельная, кожевенная, ткацкая

фабрики, завод стройматериалов. А между этими районами — сложившийся центр Улан-Батора: оперный театр, площадь, Дом правительства, драмтеатр, шестиэтажный универмаг, гостиница, посольские кварталы. За час до экскурсии на холме я видел в музее пожелтевший снимок сплошь войлочной, старой Урги. И вспомнилась эта фотография потому, что снята была с того же самого холма, на котором мы стояли. Внизу почти под ногами тот же огромный Гандан (правда, сейчас неподалеку от храма появилась телевизионная вышка, внесшая коррективы в масштабы древнего сооружения) и вокруг — россыпь войлочных юрт. Сплошь юрты без намека на какие-либо иные постройки. Ведь раньше кочевали и князья, и знать, и монастыри.

Один русский путешественник, побывавший в Монголии в 1907 году, так описывал прежнюю столицу: «...Траншееобразная дорога привела нас к окраине города. Из монгольских жилищ поднимался густой дым, который превращался в серое облако, стлавшееся вдоль течения Толы. Еще несколько минут — и мы среди городского шума и гама, на широкой улице, заполненной пестрой толпой монголов, китайцев, русских, лам и простолюдинов, мужчин и женщин, взрослых и детей. Крик верблюдов, ржание коней, грызня собак, все это смешивалось с людским гомоном и ужасно поражало пришельца, только что оставившего монотонную дорогу».

Еще свидетельство. Через 14 лет Монголию посетил другой опытный наблюдатель. В книге «Монголия накануне

Великолепную керамику с национальным орнаментом изготавливает артель прикладного искусства в Улан-Баторе.

Фото В. Будана (ТАСС)

революции» академик И. М. Майский писал:

«Общее впечатление, производимое Ургой, странное и двойственное. С одной стороны, огромные буддийские монастыри с храмами китайско-тибетской архитектуры и ярко-белыми юртами-часовнями; тысячи желто-красных монахов в остроконечных шапках, с четками в руках; пыльная базарная площадь с живописно расположенными группами продавцов в пестрых одеждах; узенькие кривые улочки, сплошь состоящие из частоколов и ворот (дома расположены внутри), монголы в цветных тэрликах верхом на лошадях, с ножами за поясом, монголки с «рогами» и серебряными украшениями на голове; длинные караваны медленно покачивающихся верблюдов с

вьюками на спинах, огромное количество собак, стаями бродящих по улицам, грызущих кости и спящих на солнцепеке; десятки разлагающихся собачьих трупов у заборов, под мостами, посреди площадей; повсюду кучи мусора. А с другой стороны — тут же рядом телефон, телеграф, автомобиль, типография, лавки и магазины... Здесь столкнулись Восток и Запад, причудливо перемешались Азия и Европа».

И все же сегодняшний город можно охарактеризовать.

...Мы ехали мимо промкомбината, мимо вокзала, детского парка, старого «Зеленого дворца», мимо современного здания агентства печати МОНЦАМЭ, мимо бесконечной центральной площади (глядя на эту площадь, понимаешь, что воистину про-

блемы пространства здесь не существует: на этой площади вполне могло бы уместиться четыре обычных городских площади), в центре которой на вздыбившемся коне с простертой рукой застыл Сухэ-Батор. Но я долго не мог понять, уловить, что же знакомое видится мне в этом городе. Может быть, просто Улан-Батор похож на любой город, набирающий силу, на город здоровый, деятельный, энергичный, на город, у которого большое будущее?

Я посмотрел в заднее окно и увидел Богдо-Улу. Великую, почитаемую святыню монголов. Богдо-Ула — это целая система гор, распадков, холмов, ущелий, падей. Все здесь покрыто лесами — золотыми и красными осенью. Издревле здесь считалось грехом охотиться на оле-

ней, лосей, убивать птицу, ловить рыбу в ручьях. Даже казнили и наказывали преступников так, чтобы не видела святая гора. В глубине ее таился монастырь в честь Маньчжуши — бога мудрости.

...На авторемонтный завод мы приехали сразу же после посещения дворца богдо-гэгэна, которому принадлежала духовная и неограниченная политическая власть. И, видимо, от этого впечатление оказалось столь сильным (словно в назидание дворец бывшего владыки монголов находится почти рядом с авторемонтным заводом, в 10—15 минутах ходьбы). Контраст разительный — еще не высохла кирпичная кладка заводских корпусов, но еще и не облупилась первозданная краска дворцовых храмов.

Но пусть все будет по порядку.

Истории нравов повезло, что были сохранены апартаменты гэгэна — двухэтажный оштукатуренный дом самой мещанской, купеческой постройки; обстановка в доме свидетельствовала о вкусах хозяина — невиданно сумбурных, капризных, эклектических, тоже мещанских.

И вот среди плохого хрусталя, китайского фарфора, чучел животных, расшитых башмаков, балдахин, карет, портшезов, паланкинов, вышитых халатов, пуфиков, ковров, чаш, среди этих аляповатых и скорее дорогих, нежели роскошных предметов, есть примечательные — специальные, волосяные веревки, обшитые сверху барсовыми и тигровыми шкурами. С их помощью отгесняли верующих, отгоняли от живого бога. Веревки эти нужны были в том случае, если верующие в своем кощунственном стремлении видеть и касаться земного бога нарушали этикет или досаждали владыке.

Гэгэны не утруждали себя излишней святостью. Вот как описывает нрав и характер восьмого ургинского богдо-гэгэна современный монгольский писатель Л. Тудэв. Хотя его описание и не лишено, наверное, некоторой беллетризации, но в своей основе документально.

«Сам богдо тоже знал, что за грехи полагается возмездие. Иногда он испытывал сосущий под ложечкой страх. А простятся ли прегрешения ему, перевоплощению бога? У него их немало. Однако главными он считает только три. Святая рели-

гия запрещает перевоплощенцу иметь жену. А он женился трижды. Перевоплотившийся не имеет права даже пригубить спиртное, он же, испытав раз соблазн, уже не в силах был устоять и нередко бывал пьян. Не следовало предаваться и суетному пристрастию к красивым заморским вещам. А он не может противиться этому».

Это детали портрета последнего из владык Урги.

Аляповатое мещанское убранство дома богдо поразительно контрастировало с изысканнейшим храмом, стоящим рядом, с редкой красоты вышивками и аппликациями, изображающими жизнь буддийских святых. Любой предмет в этом храме, выполненный талантливейшей рукой мастера, говорил о том, что это редкостное произведение искусства. Все здесь было озарено искрой таланта авторов. Народ — всегда мастер. Даже если ему столетия внушали: копать землю — грех, бить камень — святотатство; жизнь — в самосозерцании, в соблюдении традиций и образа жизни предков. Мастерство всегда живет в душе народа.

Как ни душили темные столетия феодализма народ, а линия от безвестных вышивальщиц и литейщиков бронзы прослеживается как раз до ворот авторемонтного.

Завод нам показывал молодой парень, главный конструктор. Для его должности у него было на редкость подходящее имя Оюунбилаг — разум. Оюунбилаг окончил институт в Минске и, кроме диплома, увез оттуда и жену Марину. Оюунбилаг свободно говорил по-русски и держался с нами естественно и дружески.

Сначала он показал ряд свежепокрашенных, с новыми, пахнущими деревом и эмалью кузовами, «ЗИЛов». Армада парадно стояла во дворе. Она ожидала лишь водителей, чтобы взречь моторами и ринуться на поля или дороги. А затем мы подошли к нескольким грудам металлолома, пришедшего в ремонт. Зрелище было до некоторой степени уникальное: сломанные кузова, перетянутые сыромятиной кабины, лопнувшие рамы, разбитые картеры и только где-то внутри механизмов еще чуть теплилась жизнь, и это давало надежду на лечение, скорее на возможность реанимации. А потом мы познакомились с производственным циклом.

Огромным скребком транспортер захватывал бывшую машину снизу, и она медленно засасывалась в цех, теряя во время своего неторопливого движения на ленте конвейера детали, узлы, части. Все это расходилось в дальнейшем по отдельным потокам, протискивалось через моечные камеры, полностью изношенное браковалось, а еще годное — доваривалось, перезакаливало, шлифовалось и поступало на склад. А потом со складов, где эти груды разобранных частей, деталей и отдельных агрегатов машин мирно отдыхали до поры до времени, начинался обратный процесс. Старая рама (а часто и новая) обрастала модами, коробками скоростей, блоками. Потом ставили новый или отреставрированный мотор, на барабаны колес надевали восстановленную тут же на заводе резину — четкий глянец заново пропечатанных протекторов по старому корду. И «перерожденную» машину в виде сверкающего никелем и лаком грузовика выкатывали во двор. Делалось все четко, с той степенью трудового артистизма и привычки, с какой потомственный арат седлает коня. Удивителен был автоматизм производственных навыков у рабочих. Эта раскованность в работе, свобода подразумевает наследственное, по крови передаваемое от отца к сыну умение обращаться с металлом.

Оюунбилаг провел нас через комплектовочный участок, где с помощью магнитного аппарата выбраковывают детали, мимо линии коленчатых валов, через термический цех, через литейный с огнедышащей вагранкой, запахом сгоревшего масла и формовочной земли. Все было удивительно уже само по себе. И удивительно вдвое, потому что окружающие относились к этому спокойно, без удивления, как к привычному. Будто рабочий класс не появился в Монголии лишь после аратской революции 1921 года.

Но больше всего поразили меня сосредоточенно-прекрасные лица девушек-токарей, склонившихся над металлом. Девушки были в косынках. И будто ожили фотографии-реликвии: Паша Ангелина в косынке за рулем трактора, девушки, отправляющиеся строить наш Дальний Восток.

(Окончание следует)